

Keywords: Central Scientific Library of the Ural Branch of the RAS, history of libraries, history of science, reading circle, Ural Branch of the RAS in 1941–1945 years.

УДК 94(47) + 061.22

Роль научных обществ во взаимоотношениях ученых и власти в Петрограде-Ленинграде в первые послереволюционные годы

Е. Ф. Синельникова*

*Елена Федоровна Синельникова

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия; sinelnikova-elena@yandex.ru

Статья посвящена проблеме взаимоотношений власти и ученых Петрограда-Ленинграда, объединенных в научные общества, в первые послереволюционные годы. Научные общества города, до революции во многом определявшие самосознание ученых, в первые послереволюционные годы стали для них убежищем от стремительно меняющейся реальности, защитником и покровителем в их взаимоотношениях с советской властью.

Ключевые слова: ученые, научные общества, власть, Петроград, Ленинград, первые послереволюционные годы.

Накануне октябрьской революции научные общества играли важную роль в существовавшей системе организации науки, способствовали формированию гражданского общества в России, определяли самосознание ученых, ведь практически все они являлись членами научных обществ, многие входили одновременно в несколько объединений (например, академик А. П. Карпинский был директором Минералогического общества, членом совета Общества естествоиспытателей и членом Русского палеонтологического общества; академик С. Ф. Платонов являлся президентом Общества российских архивных деятелей, членом Русского географического общества и членом совета Русского археологическо-

го общества). В то же время, научные общества являлись площадками репрезентации актуальной научной информации. Президент Русского географического общества Ю. М. Шокальский утверждал, что посещение заседаний общества, на которых заслушивались доклады членов, давало ученому больше, чем «беглый просмотр в течение того же времени журналов и книг» [7, с. 138].

Система научных обществ росла значительными темпами вплоть до 1917 г., и, несмотря на войны и революции, многие научные общества продолжали функционировать, причем Петроград по-прежнему занимал первое место в стране по количеству таких организаций. Кроме того, в первые послереволюционные годы наблюдался рост численного состава петроградских научных обществ¹, что, вероятно, можно объяснить тем, что в быстро меняющейся реальности, в условиях каждодневного разрушения старых основ, научные общества становились для ученых, «своеобразным убежищем от бурь и потрясений общественной жизни» [4, с. 53].

Необходимо отметить, что вся работа ученых в обществах была добровольна и безвозмездна. Жалование от государства получали лишь несколько человек (чаще всего библиотекари, рассыльные, делопроизводители или секретари), причем деньги, выделенные на оплату их услуг, не выплачивались вовремя: «В Петрограде сейчас холод и голод, которые усугубляются несвоевременным получением служащими жалования, отчего положение их становится прямо отчаянным»². Более того, зачастую из-за отсутствия своевременно ассигнованных средств на деятельность обществ, служащие отдавали свою зарплату на текущие нужды. Власть стремилась к непременному сокращению личного состава, то есть к экономии финансирования, в результате, как правило, штат платных сотрудников одного научного общества не превышал трех человек.

Подотдел ученых учреждений и высших учебных³ уведомил Общество гражданских инженеров в 1920 г., что «он не находит оснований к содержанию обществом за счет казны большего штата, чем одного секретаря или делопроизводителя, библиотекаря, и отдельного рассыльного»⁴. Русское библиологическое общество

¹ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 272. Л.22, 29, 40, 49, 60, 74, 96, 120, 125, 133, 136, 140.

² Там же. Д.134. Л.40 об.

³ Петроградский региональный научно-административный властный орган.

⁴ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп.1. Д.184. Л.5.

было в состоянии оплачивать труд ученого секретаря, редактора изданий и рассыльного¹, а в Обществе любителей древней письменности жалование получали ученый секретарь, ученый хранитель и письмоводитель².

В те трудные голодные годы важной задачей государства по отношению к науке было сохранение кадров ученых, которые, помимо прочего, страдали от недостаточности продовольственного пайка для служащих [5, с. 8].

Так как смертность среди этой категории граждан была высока (достаточно упомянуть, что в конце 1917 г. вследствие тяжелых для здоровья условий умер председатель Отделения статистики Русского географического общества Д. П. Семенов-Тянь-Шанский, а через год по тем же причинам скончался товарищ председателя этого же отделения В. В. Морачевский [6, с. 22], бухгалтер Русского технического общества умер 2 апреля 1919 г. «по причине истощения»³, а Русское палеонтологическое общество в 1920 г. потеряло трех своих членов в лице скончавшихся А. Г. Рионсницкого, Д. И. Соколова и Н. Н. Умейкина⁴), 23 декабря 1919 г. Совет народных комиссаров принял постановление об улучшении положения научных специалистов, определив их число в 500 человек [3, с. 427–428].

К 1921 г. власть нашла возможность выделить более 6 тыс. пайков ученым и их семьям в Петрограде, хотя, конечно, эта мера не могла быть популярной среди голодных масс [8, с. 58–59].

Некоторые общества, в частности Русское техническое общество, пытались добыть продовольствие для своих служащих путем включения их в списки Петроградского управления научными учредениями для получения пайка⁵.

В то же время, на отдельных членов научных обществ обрушивались репрессии. Был расстрелян великий князь Николай Михайлович – председатель Русского исторического общества, несмотря на то, что за него ходатайствовали Максим Горький, Социалистическая академия и Академия наук [1, с. 192]. И это не

¹ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп.1. Д.62. Л.19.

² Там же. Д.60. Л.133.

³ Там же. Д.58. Л.78.

⁴ Там же. Д. 64. Л. 10.

⁵ Там же. Д.58. Л.98.

единственный случай. Русское техническое общество обращалось в Научный отдел в ноябре 1918 г. с просьбой ходатайствовать перед Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениям по должности об освобождении из-под ареста двух членов общества – Э. Г. Перримонда и М. В. Гололобова, находившихся в Выборгской военно-пересыльной тюрьме¹. Научный отдел обратился в названную комиссию по этому вопросу. Однако, увенчалось ли успехом данное вмешательство не известно, так как сведений об этом в документах Русского технического общества не обнаружено.

Показательна в этом отношении судьба П. А. Пальчинского, в 1920-е гг. возглавлявшего Русское техническое общество. Он как член Временного правительства был арестован первый раз в ходе Октябрьской революции, затем в марте 1918 г. выпущен на свободу [2, с. 74]. 25 июня того же года он вновь подвергся аресту и без предъявления каких-либо обвинений посажен в тюрьму. Русское техническое общество и другие организации, отдельные ученые обратились к В. И. Ленину с ходатайством о его освобождении. 3 декабря Ленин в телеграмме Зиновьеву в Петросовет просил немедленно решить вопрос о деле Пальчинского, и 17 марта 1919 г. он вышел на свободу [8, с. 74]. Однако П. А. Пальчинского опять арестовывали в 1922 г., затем еще раз в 1928 г., а в 1929 г. он был расстрелян «за контрреволюционную деятельность»².

Поражает несоответствие, ведь Техническое общество было одним из немногих, находящихся в приоритете у власти, мечтавшей о создании сильного индустриального государства. Однако аресты именно его членов происходили в первые послереволюционные годы.

Таким образом, научные общества города, до революции игравшие важную роль в организации науки и определявшие самосознание ученых, в первые послереволюционные годы стали для них убежищем от стремительно меняющейся реальности, защитником и покровителем в их взаимоотношениях с советской властью.

¹ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп.1. Д.58. Л.42.

² Там же. Ф.2556. Оп.3. Д.80. Л.10 об.

Библиографический список

1. *Берлявский Л. Г.* Власть и отечественная наука: формирование государственной политики: 1917–1941 гг. Дисс. на соиск уч. степени д.и.н. Новочеркасск, 2004. 552 с.
2. *Волков В. А., Куликова М. В.* Российская профессура: «под колпаком» у власти // Вопросы истории естествознания и техники. М.: Наука, 1994. № 2. С. 65–75.
3. Декреты Советской власти. Т. 7. М., 1974.
4. *Иванова Л. В.* Формирование советской интеллигенции (1917–1927 гг.). М., 1980. 392 с.
5. *Лахтин Г. А.* Организация советской науки: история и современность. М., 1990. 220 с.
6. *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Отделение статистики Русского географического общества // Наука и ее работники. Пг., 1921. № 3.
7. *Семенов-Тянь-Шанский В. П., Герасимов А. П., Орлов Б. П.* Юлий Михайлович Шокальский и Всесоюзное географическое общество // Памяти Юлия Михайловича Шокальского. Сборник статей и материалов. Ч. I. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1946. С. 111–142.
8. *Siegelbaum L.H.* Soviet State and Society between revolutions, 1918–1929. Great Britain, Cambridge university press, 1994. 284 p.

E. F. Sinelnikova

Ph.D., Scientific secretary of Saint Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology of the RAS (St. Petersburg, Russia)

**The role of scientific societies in the relations between
scholars/scientists and the authorities in Petrograd-Leningrad
in the first post-revolutionary years**

The article is dedicated to the problem of the relations between the authorities and scholars/scientists of Petrograd-Leningrad, united in scientific societies, in the first post-revolutionary years. The scientific societies of the city, before the revolution, largely determined the identity of scholars/scientists in the first post-revolutionary years became their refuge from a rapidly changing reality, the protector and patron in their relations with the Soviet authorities.

Keywords: scholars, scientists, scientific societies, the soviet power, Petrograd, Leningrad, the first post-revolutionary years.